

Стратегия нации США

по-киссинджеровски: возвращение реалполитики

Доктор Гилберт Докторов обсуждает влияние идей Киссинджера на новую Стратегию национальной безопасности США (NSS 2025). Новая книга Гилберта Докторова «Военные дневники. Том 1: Российско-украинская война, 2022–2023» уже доступна на Amazon: <https://www.amazon.com/War-Diaries-Russia-Ukraine-2022-2023/dp/B0F9VK1WM2>

Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: <https://glenndiesen.substack.com/> X /Twitter: https://x.com/Glenn_Diesen Patreon: <https://www.patreon.com/glenndiesen> Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: <https://www.paypal.com/paypalme/glenndiesen> Buy me a Coffee: buymeacoffee.com/gdieseng Go Fund Me: <https://gofund.me/09ea012f> Книги профессора Гленна Дисена: <https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL>

#Glenn

Добро пожаловать обратно. Сегодня с нами Гилберт Докторов — историк, аналитик в области международных отношений и автор книги *Военные дневники: Российско-украинская война*. Спасибо, что пришли. Это интересный документ, который только что опубликовали Соединённые Штаты — новая Стратегия национальной безопасности США. Она заметно отличается от документов прошлых десятилетий и от более широкой стратегии США, от их представления о том, каким должен быть мировой порядок. Что вы думаете об этой новой стратегии безопасности?

#Gilbert Doctorow

Ну, прежде всего, это не ново — давайте проясним это. Я не видел, чтобы кто-то вернулся и посмотрел, каким был первый документ по национальной стратегии безопасности господина Трампа в декабре 2017 года. Если бы кто-то это сделал, то обнаружил бы, что у того документа было, так сказать, два разных автора, и он двигался в двух разных направлениях. То, что мы рассматриваем сегодня, имеет один набор авторов и движется в одном направлении. В чём разница? Разница в том, что в 2017 году господин Трамп ещё не был самостоятельной фигурой и выпустил документ по национальной стратегии безопасности, который был частично составлен в традиционном духе.

Он был частично составлен экспертами из Совета национальной безопасности, которым тогда руководил генерал-лейтенант Макмастер. И была некая дама, Надя Шэдлоу, о которой

говорили, что она написала те части Стратегии национальной безопасности, которые выглядели традиционно. А другая часть — основная — была написана людьми из окружения Дональда Трампа, если не самим Трампом через его спичрайтеров. И это было совершенно иное. Именно это мы сейчас и читаем. Поскольку в 2017 году было два автора, документ по Стратегии национальной безопасности занял 68 страниц. А сегодня, когда авторов один круг, он составляет 33 страницы.

Весь избыточный вес был отброшен — противоречие между традиционной, основанной на ценностях американской внешней политикой, то есть идеалистической политикой, и внешней политикой, основанной на национальных интересах, которую мы называем реалполитикой. Тогда, как и сейчас, документ тщательно избегал какой-либо идентификации с идеологией. Это особенно отмечается для тех, кто действительно читает тексты — чего, к сожалению, большинство комментаторов не делает. И когда вы обращаетесь к тексту, вы находите здесь термины, имеющие чрезвычайно важное значение. Вы замечаете, что в самом начале Трамп говорит, что внешняя политика должна быть прагматичной, но не прагматистской; реалистичной, но не реалистской.

Хорошо, давайте скажем это проще. Он утверждает, что не хочет заменять одну идеологию другой — но, конечно же, именно это и делает. Основной принцип Стратегии национальной безопасности, в последней редакции которой нет внутренних противоречий, — это нереалистичность. А откуда она берётся? Опять же, никто об этом не говорит, и я не понимаю почему. Как можно серьёзно комментировать происходящее, не разбираясь, откуда берутся идеи? Они идут от Генри Киссинджера. В 2016 и 2017 годах, во время президентской кампании, Киссинджера несколько раз приглашали давать советы Дональду Трампу. Не знаю, какие у них были контакты до начала кампании.

Думаю, такие встречи были. В конце концов, они оба находились в Нью-Йорке. Но в 2017 году, после того как он занял пост президента, Трамп приглашал Киссинджера ещё несколько раз. Это, как мне кажется, прекратилось после первого квартала 2017 года, когда вся внешняя политика Трампа пошла под откос. Это произошло после вынужденной отставки генерала Флинна, который был советником Трампа по национальной безопасности во время избирательной кампании и затем официально занял этот пост после вступления Трампа в должность. Это было ужасное назначение, потому что Флинн был крайне скомпрометированным человеком, и Трамп должен был это понимать. Его этические принципы были равны нулю.

И я знаю, что, побывав на праздновании 10-летия RT в декабре 2016 года — где Флинн был почётным гостем и получил гонорар в 150 000 долларов от RT — ну, в общем, не буду в это углубляться. Суть в том, что после первого квартала 2017 года Трамп больше не контролировал свою внешнюю политику. Он назначил вокруг себя неоконсерваторов, чтобы получить их утверждение в Сенате без борьбы. Самым проблемным человеком был его госсекретарь Рекс Тиллерсон, который, заняв должность, никогда не упускал возможности

ударить Трампа в спину, не замешивая при этом себя лично. В любом случае, внешняя политика Трампа была разрушена уже в первом квартале.

Тем не менее, он не сдался, и принципы, которые он хотел применить к американской внешней политике, были изложены в той Стратегии национальной безопасности от декабря 2017 года. Это был, как я уже сказал, прагматизм. И он отметил там, что интерес заключается в последствиях — в результате, а не в благом принципе. И именно это является главной движущей силой в том, что мы видим в Стратегии национальной безопасности, опубликованной менее недели назад. Это принципы Генри Киссинджера, скорректированные его столкновением с господствующей внешней политикой, основанной на ценностях, которая после 1991 года шла напролом через всех и всё. Киссинджер в 1994 году изложил свою дорожную карту того, каким должно быть будущее.

Он, Бжезинский, Сэм Хантингтон и Фукуяма были главными фигурами, чьи книги определяли, каким должен быть путь мира после окончания холодной войны. Вклад Киссинджера — книга * «Дипломатия»* (1994), в которой он выразил свою глубокую веру в принципы баланса сил, сдержанной внешней политики, отказа от гегемонизма и избегания войн по выбору. Всё это было изложено с опорой на историю — историю дипломатии, уходящую корнями в XVII–XVIII века, когда эти принципы впервые были сформулированы, и ещё дальше — к Вестфальскому миру 1648 года, который закрепил ключевой вопрос любой школы реализма. Но, как я уже сказал, его мотало. Его отвергли.

Принципы, которые он изложил, были осуждены, например, Хиллари Клинтон как устаревшие. Демократы, следуя идее Джозефа Ная о «умной силе», считали её надлежащим ориентиром для американской внешней политики и не хотели слышать ни слова о балансе сил или политике, основанной на интересах. Хотя мышление, основанное на интересах, всегда было ключевым фактором американской внешней политики, оно было покрыто очень плотным слоем идеологии, основанной на ценностях. Киссинджер скорректировал свои заявления. Он воздал должное господствующим предубеждениям сообщества специалистов по внешней политике США. И в своей книге *Мировой порядок* 2015 года он отвёл место ценностям — то есть реализм и национальные интересы следует отстаивать, но всегда с оглядкой на национальные ценности.

Это тот самый стиль Киссинджера — несколько раскаивающийся, но при этом точно знающий, чего он хочет, а именно — национальных интересов, — который подхватил и продолжил господин Трамп, даже после того, как его «избивали» кампаниями «Россия, Россия, Россия» в тот год. Он включил это в свою Стратегию национальной безопасности в декабре 2017 года. Так что я говорю, что здесь нет ничего нового, и меня поражает, что так много комментаторов игнорируют этот факт. Главная идея реализма заключается в том, что он не ведёт к войне. Реализм означает готовность к компромиссам, а компромисс подразумевает использование дипломатии. Внешняя политика, основанная на ценностях, строится на универсальных принципах, которые по определению не могут и не должны быть предметом компромисса. А

если вы не ищете компромиссов, то у вас нет места для дипломатии во внешней политике. И именно в таком положении мы находимся последние двадцать лет.

Это не просто произвольный факт, что Байден не использовал дипломатию. Нет, это коренится в самом мышлении, лежащем в основе принципов идеалистической внешней политики — это просто другое её название. У неё есть несколько обозначений: идеалистическая внешняя политика, вильсоновская внешняя политика. Все они означают одно и то же. Это политика, основанная на ценностях, в противоположность политике, основанной на интересах. Я внимательно прочитал эту Стратегию национальной безопасности, и в ней можно найти поразительные вещи, если потрудиться присмотреться. Приведу пример — не хочу, чтобы мы отклонились от главных тем, — но вы видите, что Трамп упоминает свои три страницы, посвящённые Европе. И, конечно, этому уделили много внимания: «О, всего три страницы для Европы, всего три страницы для каждого другого крупного региона мира». Так что довольно глупо утверждать, будто это каким-то образом дискриминация против Европы.

Но на страницах, посвящённых Европе — которые, конечно, очень негативные — действительно, можно найти, что он говорит примерно следующее: немцы деиндустриализировались, их компании уходят в Китай, чтобы воспользоваться дешёвым российским газом. Теперь давайте прочитаем между строк. Он также говорит, в тех же разделах, что Европе следует найти какие-то стабильные отношения с Россией, и это было бы полезно для её экономики. Ну, давайте проследим логическую цепочку. То, что он говорит, не привлекая внимания Линдси Грэма и всех остальных, кто бы его за это раскритиковал, — это то, что европейцам стоит вернуться к импорту российского трубопроводного газа. Так что в этом есть моменты, которые заслуживают внимания, но никто их не поднимает.

#Glenn

Я думаю, интересно, что вы упомянули Киссинджера, потому что во время первой администрации Трампа, когда он хотел наладить отношения с Россией, была одна фраза, которая постоянно возвращалась и преследовала его. Само по себе желание наладить отношения с Россией считалось подозрительным. И снова теория заговора, продвигаемая в рамках «Рашагейта», утверждала, что он получал деньги от русских. Мне кажется, многие упустили из виду тот факт, что у него было множество встреч с Киссинджером, который утверждал, что великая дипломатия не должна работать таким образом. Он говорил, что, по сути, нам нужно приблизить русских хотя бы к нашей стороне, иначе мы слишком сильно подтолкнём их к китайцам.

И я также могу представить, что Киссинджер был бы несколько осторожен в отношении самого принципа гегемонистского мира или либерального гегемона, поскольку он по своей сути становится очень идеологическим. К тому же, для дипломатии там почти не остаётся места. Если твоя стратегия полностью основана на глобальном доминировании, то какую роль может играть дипломатия в управлении конкуренцией в сфере безопасности с соперниками? На

самом деле, почти никакой. Не стоит слишком удивляться тому, как упоминались европейцы. Кстати, я с этим вполне согласен. Думаю, Трамп, очевидно, уловил тот факт, что, независимо от того, что решат делать немецкие власти, интересно, что немецкие компании следуют за российской энергетикой.

Так что, если Германия не хочет этого, тот же российский газ отправляют в Китай. Тогда, конечно, немецкие компании пойдут туда, где есть этот российский газ. Но судя по тому, как описывают Европу, это выглядит как серьёзное разъединение, не так ли? Если говорить о том, как они смотрят на НАТО — о прекращении экспансионизма НАТО, который был основой институциональной структуры трансатлантического партнёрства, — и о весьма пессимистичном взгляде на будущее европейской цивилизации. По сути, на неё не стоит делать ставку. И кроме того, многие европейские лидеры отреагировали на попытки Трампа «спасти Европу», то есть на его стремление взрастить сопротивление — кажется, именно так было сказано в документе.

#Gilbert Doctorow

Что ж, я очень рад перейти к этому, потому что считаю это крайне важным. Но прежде я хотел бы сделать шаг назад. Не стоит неправильно понимать Киссинджера. У Киссинджера было множество врагов. Ужасные вещи, которые он совершал во время войны во Вьетнаме — распространение войны на другие страны Юго-Восточной Азии, разрушительные последствия, произошедшие под его руководством, — привели к тому, что его обвиняли в военных преступлениях, и это клеймо он так и не смог смыть. Некоторые говорили, что Киссинджер во второй половине своей жизни пытался искупить преступления, совершённые в первой. Это не совсем так, и всё сводится к тому, о чём мы говорили минуту назад — к тому, какой мудрый совет Киссинджер мог бы дать в отношении призрака русских.

Киссинджер не был человеком, который любил Россию. Странно сказать, но он обожал Китай — китайскую еду, не знаю, китайских женщин, не знаю, в чём дело, — но Киссинджер много читал о Китае. Он написал книгу о Китае. Он не писал книг о России. У него не было особой симпатии к России, хотя ему следовало бы кое-что о ней узнать, ведь, в конце концов, именно русские были доминирующей силой при Александре I в тот период, о котором он писал в своей диссертации — то есть на Венском конгрессе, который установил Священный союз. Но он никогда по-настоящему не любил Россию. И, что важно, давайте не говорить о мелочах; давайте говорить о серьёзных вещах.

В 1994 году Киссинджер выступал перед Конгрессом вместе с Бжезинским, призывая не принимать Россию в НАТО. Они говорили в унисон. Он был настроен против России и даже не поддерживал ослабленную форму сотрудничества с Россией, которую впоследствии одобрил Клинтон — те самые регулярные встречи между Россией и НАТО. Он был против этого. Таким образом, у него были разные позиции, многие из которых были весьма неконструктивными в отношении России, даже в 1990-е годы. Но затем, в начале XXI века, после 2008 года, когда

Буш оказался на грани войны с Россией, рассматривая или пытаясь вмешаться в российско-грузинскую войну, отправив военные корабли в Чёрное море...

Киссинджер был одной из ведущих фигур в группе мудрецов, которые стремились дать советы администрации Буша о том, как восстановить, э-э, цивилизованные коммуникации и отношения с Россией. Так что он колебался то в одну, то в другую сторону, но идеи, которые он выдвигал — это, по сути, внешняя политика, основанная на интересах, которая, конечно, была устойчивой с самого начала его карьеры, и баланс сил, который, разумеется, возник после войн 1812 года и был возрождён как доминирующий принцип в европейской дипломатии, — всё это оставалось с ним до конца его жизни. А теперь, переходя... Я просто хотел бы — знаю, что это не совсем уместно, но всё же скажу.

Я хотел бы — раз уж вы любезно упомянули мою книгу *Военные дневники* — поднять вопрос о бельгийском взгляде на международные дела, потому что именно из этого исходит то, что я только что сказал о Стратегии национальной безопасности 2017 года. Это книга, которая только начинает получать хоть какое-то признание. Я только что продал первый экземпляр в виде электронной книги в Японии — знаете, спустя семь лет наконец-то дошли руки. К сожалению, люди ошибочно воспринимают «бельгийский взгляд» как нечто, связанное с маленькой Бельгией — кому вообще интересна маленькая Бельгия? Хотя, судя по тому, о чём мы поговорим через минуту, им стоило бы интересоваться маленькой Бельгией, ведь Бельгия может сделать для окончания войны в Украине больше, чем всё, что сделал Орбан или пытается сделать Трамп.

Это отдельный вопрос, до которого, я надеюсь, мы ещё дойдём. А что касается Трампа — чтобы никто не подумал, будто я его убеждённый сторонник, несмотря ни на что, — прочитайте первую главу этой книги, где я объясняю, почему мы должны были подвергнуть Трампа импичменту. Она была написана в сентябре 2017 года, после его катастрофического дебюта на Генеральной Ассамблее ООН, когда он призвал к полному уничтожению Северной Кореи — страны с населением 22 миллиона человек. Тогда я решил, что ему пора уйти. Так что я следую за тем, что вижу перед собой — не за тем, что хотел бы видеть, а за тем, что действительно вижу.

И сегодня я вижу Трампа как очень конструктивного человека, и идеи, которые он выдвигает в этом ключе, имеют большое значение. Но перейдём к тому, что вы только что спросили в качестве вводного вопроса — как насчёт отношений с Европой? Я хотел бы затронуть момент, который вы совершенно справедливо поднимали в некоторых своих обсуждениях. Не помню, с кем именно; не думаю, что со мной, но вы определённо поднимали этот вопрос за последние несколько месяцев. А именно — почему Европа не может повернуть вспять? Почему она не может изменить свою политику? И, как я уже говорил, я считаю, что господин Трамп и его советники это понимают. Они говорят о вмешательстве, о влиянии на европейские дела, потому что Европа не может измениться сама, если только на улицах не произойдёт революция.

И это имеет огромное значение. Я точно не помню, за что именно вы тогда выступали или почему объясняли, что это не может повернуться вспять. Но у меня есть несколько идей, которыми я хочу поделиться. Это не может повернуться вспять, прежде всего потому, что 27 европейских государств-членов не обладают суверенитетом. В той же книге, *Этот бельгийский взгляд*, я упоминаю мимоходом замечания, которые появились в книге, опубликованной примерно в то же время Марком Эйскенсом — E-Y-S-K-E-N-S, для тех, кто не знаком с бельгийским произношением. Он был премьер-министром Бельгии и написал мемуары. Под конец его жизни мне случайно попала одна из них.

И он говорил, что, знаете, государства — члены Европы утратили свой суверенитет, и сегодня их правительства значат не больше, чем муниципальные администрации. Он сказал это в 2017 году, и это, безусловно, верно и сегодня — 27 премьер-министров — никто, не только по сути, но и по факту. Они, как сказал Путин, случайные люди. Это главная причина. Таким образом, вся власть находится в руках Европейской комиссии, что звучит демократично. Ведь Европейская комиссия избирается Европейским парламентом, а Европейский парламент избирается народом. То есть это косвенное представительство.

Но в конечном счёте можно сказать, что это демократично, потому что в этой косвенной форме представительства голос народа находит выражение в том, кто приходит к власти в Комиссии. Неправда. На самом деле это инструмент влияния Германии. Германия управляет Европой. Во времена Ангелы Меркель — я уже указывал на это раньше — все высокопоставленные чиновники ЕС были назначены Германией. Это первая часть. А как это происходит? Потому что Комиссию утверждает Европейский парламент, в котором доминирует Европейская народная партия, а ею, в свою очередь, управляет Христианско-демократическая партия Германии.

Так что Германия использует здесь огромный рычаг влияния. Их там сколько — 85 миллионов? Я уже не помню, каково население. А население Европы — что, 350 или 400 миллионов, или даже больше. То есть они получают примерно пятикратное преимущество по сравнению со своей численностью, чтобы контролировать всю Европу, фактически решая, кто станет президентом Комиссии, а она уже выбирает своих коллег-комиссаров. Потому что всё это решается в кулуарных переговорах о том, какая партия получит какое министерство. Так управляется Европа. И это второй момент. А после этого я закончу этот монолог. Второй момент заключается в том, что вся европейская избирательная система устроена неправильно.

За очень редкими исключениями — Франция является одной из них — европейские страны управляются коалиционными правительствами. И одна из причин этого — льготное отношение к меньшинствам. Я имею в виду не расовые или этнические меньшинства, а политические или тематические меньшинства — партии, сосредоточенные на одной проблеме — в ущерб воле большинства населения. Это и есть пропорциональное представительство, которое выглядит замечательно прогрессивным, за исключением того, что оно приводит к диктатуре, которую

мы сейчас наблюдаем в европейских институтах, и к полному безразличию широкой общественности к выборам. Почему? Потому что ваш голос ничего не значит.

За кого бы вы ни голосовали, фактический состав правительства определяется за закрытыми дверями, между фракционными победителями на парламентских выборах. И из-за этого одни и те же люди остаются у власти десятилетиями, просто занимая разные министерские посты. Министром юстиции в течение пяти лет при фон дер Ляйен был бельгиец из партии MR — либеральной франкоязычной партии, базирующейся в Брюсселе, — Дидье Рейндерс, который теперь ожидает длительного тюремного срока, когда наконец состоится его судебное разбирательство по делу об отмывании денег. Ну, обвинение — в отмывании денег. Они даже не утруждают себя выяснением, откуда взялись деньги, которые он отмывал — что, конечно же, были взятки.

И он пять лет был министром юстиции — министром юстиции ЕС. До этого, примерно 10 или 15 лет при различных коалиционных правительствах, он занимал пост министра финансов. Так что это человек, который действительно знает, как отмывание денег устроено изнутри. В любом случае, моя мысль в том, что эти назначения происходят через распределение уступок между партиями, которые имеют незначительное количество депутатов, мест в парламенте, из-за системы пропорционального представительства. Противоположная система — это та, что существует у нас в Соединённых Штатах и также в Великобритании, — система относительного большинства. Можно иметь лишь 25% электоральной поддержки, как это было у Маргарет Тэтчер, и всё равно сформировать правительство, состоящее только из своей партии.

Это хорошо — это плохо — но это не загоняет вас в ту ловушку, в которой сегодня оказалась Европа, где одни и те же люди занимают посты в коалиционных правительствах, имея лишь одну цель: удержаться у власти. Расхождения в их официальных партийных программах ничего не значат. Компетентны они или нет, чтобы быть министром финансов, юстиции или транспорта, не имеет никакого значения. Кому-то нужно занять это кресло, и вы отдаёте его одной из своих коалиционных партий. Именно по этой причине Европа не может самостоятельно выбраться из ужасного хаоса, в котором мы находимся и который осуждается в Стратегии национальной безопасности господина Трампа.

#Glenn

Что ж, вот что я думаю о Европейском союзе: основная проблема, как я её вижу, заключается в том, как заставить 27 государств-членов фактически придерживаться одной и той же внешней политики, одной и той же экономической политики. Это чрезвычайно трудно осуществить. Как сделать так, чтобы 27 стран не действовали исключительно в своих национальных интересах — которые всё больше расходятся, — а следовали какой-то общей линии? На каком-то уровне неизбежно приходится отказываться от части суверенитета, даже

когда в этом нет необходимости. Это их федералистская одержимость в мире ЕС — убеждение, что форма должна определять содержание: «Мы просто централизуем власть в Брюсселе, и это каким-то образом приведёт к успешным Соединённым Штатам Европы». Но нет.

Я думаю, это также делает европейцев гораздо более идеологизированными и уязвимыми к таким нарративам, где всё представляется в чёрно-белых тонах, потому что приходится постоянно расставлять риторические ловушки и, по сути, утверждать, что в любом вопросе есть только один правильный ответ, а другой — просто аморален и неверен. И именно так создаётся консенсус — будь то расширение ЕС, развитие общей валюты, внешняя политика, что угодно. Всё должно быть разделено на добро и зло, чёрное и белое. Иначе невозможно пристыдить страны и заставить их согласиться. Посмотрите на Орбана — он считает, что дипломатия с Россией — хорошая идея. Теперь из него сделали злодея, лучшего друга Путина в Европе, стремящегося подрвать континент. Вот что происходит всякий раз, когда кто-то не соглашается.

Но, как мне кажется, им в каком-то смысле приходится это делать, потому что именно так бывает, когда у тебя есть 27 стран, которые должны каким-то образом прийти к общей политике. Это казалось в какой-то степени управляемым, но отсутствие цифровизации, а также отказ от российских энергетических ресурсов и российского рынка в целом сделали ситуацию в этом конфликте гораздо хуже. Потому что если ЕС не способен обеспечить экономические выгоды — что-то геоэкономическое, что-то материальное — для своих государств-членов, то что тогда будет его удерживать вместе? И, как мне кажется, именно поэтому мы стали настолько зависимы от так называемого геополитического ЕС, от идеи «общего врага», когда наше единство поддерживается страхом перед Россией. Похоже, это и есть нынешняя модель, и это неудачный экономический проект.

Да, из-за этого я, как правило, очень критичен. Я вижу в ЕС огромную уязвимость перед идеологией — вот почему он настолько по своей сути русофобский и игнорирует важнейшие экономические и национальные интересы. Он также не способен что-либо изменить, потому что мы всегда приходим к консенсусу, где снова одна сторона права, а другая — нет. Так как же можно изменить курс? Это очень сложно. Так что нет, я весьма пессимистичен. Но, конечно, у политики США по поддержке сопротивления тоже есть свои проблемы. Тем не менее, мне хотелось бы услышать твоё мнение и о других аспектах этого — о том, как изображается Европа, — ведь здесь есть и другие элементы цивилизационного упадка.

Европейцы становятся все более авторитарными — отстраняют политическую оппозицию, СМИ и, конечно, сталкиваются с демографическим спадом и массовой иммиграцией. Мне показалось любопытным, что именно сейчас они решили оштрафовать Илона Маска, который, по сути, становится наглядным примером всей стратегии национальной безопасности. Посмотрите, что они делают. Это выглядит ужасно неумело. Я не понимаю, как так — кажется, что это худший возможный момент для таких действий. Но, пожалуй, последний момент касается НАТО. Что это значит? Потому что если ЕС, как можно предположить, обречён на

ослабление, то НАТО остаётся последней опорой европейской системы безопасности. Но и в отношении НАТО — в стратегии безопасности прямо сказано, что больше не будет навязчивой идеи расширения альянса.

#Gilbert Doctorow

Ну, я рад, что вы упомянули Илона Маска лично, потому что теперь он сталкивается со штрафом в сто миллионов — сколько бы там ни было — который хотят наложить на него за якобы распространение фейковых новостей или недостоверной информации. Он заявил, что ЕС следует распустить, и я с ним согласен. Это напрямую связано с теми вопросами, которые вы поднимали о геополитической миссии Европы. Именно это и разрушает Европу. Европа прекрасно существовала до 1992 года и уж точно до того, как в этом тысячелетии, несмотря на сопротивление, была протащена пересмотренная конституция. Всё было хорошо, когда существовало Европейское экономическое сообщество, целью которого было общее процветание и устранение внутренних барьеров — торговых и неторговых, — мешавших созданию рынка из 400 миллионов человек, одного из крупнейших в мире, привлекательного для инвестиций и являвшегося ведущей силой в глобальном масштабе в плане «мягкой силы».

Вместо этого было решено двигаться в сторону проявления жёсткой силы в мире — становления геополитической державой, что, как мы видим сейчас, привело к катастрофическим результатам. Этого не должно было быть, по всем известным причинам: у Европы нет общей армии, и не должно быть, потому что фактически это была бы армия под немецким доминированием. И нужно спросить себя, каковы, в конце концов, были последствия Второй мировой войны? Они были бы стерты, и Германия оказалась бы в положении, которое очень бы порадовало Адольфа Гитлера. Таким образом, Европа движется совершенно в неверном направлении, стремясь стать геополитической силой — именно это Урсула фон дер Ляйен сделала своей главной задачей на посту. Теперь я немного потерял нить вашего вопроса — не могли бы вы повторить его, пожалуйста?

#Glenn

Да, роль НАТО — если НАТО также будет сокращено — ну, тогда его значение меняется, потому что весь смысл после окончания холодной войны заключался в том, что нам нужно было его сохранить. Мы утратили ту функцию, которую НАТО должно было выполнять. Но чтобы сохранить форму — Европу, ориентированную на НАТО, — нам пришлось его возродить, найти для него новую функцию. В итоге мы фактически пришли к расширению НАТО и операциям за пределами его зоны ответственности. Теперь, если расширение исключено и США больше не проявляют такого интереса к Европе или НАТО, что это значит для Европы? Ведь похоже, что эта новая стратегия безопасности в значительной степени повлияет на континент.

#Gilbert Doctorow

Ну, я думаю, что все эти вопросы будут решены очень быстро. Сейчас ты настроен пессимистично. У нас обоих бывают перепады настроения — от пессимизма к оптимизму. В данный момент я особенно оптимистичен, потому что ожидаю, что приближается момент истины. И что я имею в виду? Ну, ты вскользь упомянул Орбана, а Орбан — это великий герой для всего сообщества, которое выступает против гегемонистского американско-западного управления миром. И всё это подходит к кризису. Кризис наступит 18 или 19 декабря. Вчера в Лондоне состоялась встреча. Господин Зеленский вышел после того, как его любезно наставили и подбодрили три ведущие фигуры из коалиции желающих — из того, что от неё осталось, — Стармер, Мерц и Макрон.

И его поощряют заявлять, что он отвергает территориальные уступки России и так далее, что означает, что мы хотим воевать вечно. Он отказывается признать, что проиграл войну, и именно это является основным принципом, лежащим в основе сегодняшних рекомендаций Трампа — осознание того, что они проиграли войну. В этой ситуации кто будет платить за войну господина Зеленского — за вооружение и финансовую помощь, чтобы поддерживать его правительство на плаву? Последние расчёты показывают, что к февралю страна будет банкротом. А если она обанкротится и не сможет привлечь средства или получить какие-либо займы, то это конец войны. Итак, что стоит между нами и этими 18–19 декабря?

И какая страна несёт ответственность за то, что навязала этот выбор «пан или пропал», «чёрное или белое»? Европейский союз продолжает идти своим весёлым путём — или Европейский союз взрывается. Кто стоит за этим противостоянием? Премьер-министр Бельгии, а не господин Орбан. Вы упомянули Орбана. Орбан, как я уже сказал, любим всеми, кто выступает против американской гегемонии, за то, что он бросает вызов Европейскому союзу и говорит вещи, как они есть — дважды ездил в Москву без разрешения господина Мерца или кого-либо ещё из Европейского союза. Но каждый раз, когда вставал вопрос о продлении санкций, господин Орбан голосовал «за». Так где же его храбрость? Почему он не сказал «нет»? И всё бы рухнуло. Он этого не сделал. Он не осмелился это сделать.

Так что мне пришлось бы указать на кого-то другого, кто осмеливается это делать — и это самый неожиданный человек: премьер-министр Бельгии. Маленькая Бельгия, двенадцать миллионов человек. Ну, Венгрия ещё меньше. Но дело не в размере страны, а в масштабе личности. А этот человек — упрямый фламандец. Как я недавно писал, мадам фон дер Ляйен — фрау фон дер Ляйен, или фюрер-ин-чиф фон дер Ляйен — ничего не понимает, хотя она родилась в Бельгии, конечно, во франкоязычной части, в брюссельском Икселе. Но, очевидно, она не провела много времени, наблюдая за фламандцами, потому что, чёрт возьми, они упрямые люди, когда захотят. У итальянцев даже есть слово для этого — когда у фламандцев закипает кровь.

Это не просто произвол. Личность господина Де Вевера — он делает то, что должен делать, то, что сделали бы люди, которые поставили его на этот пост, а именно защищает

процветание страны, которой он управляет. И если этот заём — так называемый заём, который на самом деле представляет собой конфискацию российских государственных активов в Euroclear — будет реализован, то Бельгия окажется под угрозой обязательств, эквивалентных одной трети её годового ВВП. А господин Де Вевер, который ранее проявлял себя как благоразумный человек в предыдущих раундах санкций против России, в итоге даже пожертвовал алмазной промышленностью Антверпена, своей опорной базой, и фактически разрушил алмазную отрасль Бельгии, согласившись на общеевропейские санкции на импорт российских алмазов.

Он с этим согласился, но с этим не соглашается, потому что речь идёт не просто о нескольких тысячах экспертов по алмазам, оптовиков и розничных торговцев. Речь идёт о том, что вся страна может пойти ко дну, если предложение фон дер Ляйен окажется неудачным. В прошлую пятницу она и Мерц встречались с Де Вевером. Они поужинали там — уверен, все ушли с несварением — потому что встреча закончилась ничем. Всё закончилось заявлением, что они будут продолжать переговоры до 18 марта. А теперь, почему это важно? Господин Де Вевер, скорее всего, скажет «нет» 18 марта.

И то, что произойдёт дальше — то, что, вероятно, случится 18-го и 19-го числа, — потрясёт Европейский союз до основания и может, может, не обязательно, но может привести к падению фон дер Ляйен и этих прогнивших европейских институтов. Почему? Фон дер Ляйен в отчаянии. Вся её политическая репутация поставлена на выживание Украины и продолжение, бесконечное продолжение войны в Украине до тех пор, пока Европа не решит, что готова к обычной войне с Россией — через два, три, четыре года. Если Украина сейчас падёт — если обанкротится и будет вынуждена капитулировать перед Россией — её политическая карьера закончена, и все вокруг неё тоже. Все эти, так называемая «коалиция желающих»... ну, их карьеры подорваны, если не окончены.

Так что же она собирается делать, если это последняя возможность спасти Украину? Ведь разговорами этого не добиться. Похлопывания по плечу организаторов мероприятий тоже не помогут. Им нужны деньги и оружие — а оружие покупается за деньги. И 200 миллиардов долларов замороженных российских активов выглядят чертовски заманчиво. Она объявит — это уже было предвещено — что решение принимается квалифицированным большинством, а не единогласно. Господин Мерц уже публично заявил, что готов гарантировать 45 миллиардов евро из заемных средств для Украины за счет немецких фондов. Несколько других стран, вероятно, тоже внесут свою долю. И тогда фон дер Ляйен скажет, что у нее есть квалифицированное большинство в ЕС, следовательно, решение принято, и теперь она обратится к Euroclear, чтобы высвободить эти деньги.

Этот шаг вызовет судебные разбирательства против неё в пределах ЕС, поскольку не все юристы там согласны с ней в вопросе конституционности этого решения. И она столкнётся с ожесточённым сопротивлением не только со стороны де Вебера, но и со стороны генерального директора Euroclear. За последние пару дней она — это говорит Орбан — сделала несколько

очень чётких заявлений о том, что Euroclear выступает против этого, потому что подобное действие подрывает их заявленную позицию нейтралитета, вовлекая их в политически мотивированный акт. Euroclear мало что говорит большинству людей, поэтому позвольте объяснить. Euroclear хранит около 42 триллионов долларов глобальных активов. Это хранилище для всего мира. Оно принадлежит не только бельгийским структурам, но и Национальному фонду благосостояния Сингапура, Новой Зеландии, а также множеству мелких акционеров, которые ещё не высказали свою позицию по этому вопросу.

Но она уже обозначила свою позицию и подала в суд против решения ЕС. Денег не будет. Ни один здравомыслящий банк не даст Украине ни цента под залог активов, изъятие которых оспаривается. Всё это мертво в воде. Ну что ж, посмотрим, какое землетрясение произойдёт здесь, в Бельгии, 18 и 19 числа. Думаю, оно может потрясти европейские институты до основания. И если что-то и положит конец войне, то это будет то, что произойдёт здесь 18 и 19 декабря — не завоевание Бахмута Россией и не посреднические усилия господина Дональда Трампа. Всё сведётся к одному человеку — Барту Де Веверу, провинциальному бельгийскому политику, известному как «националист кошелька», то есть человеку, который заботится о благосостоянии своих избирателей, а не об их этнической принадлежности. Вот где мы находимся сегодня.

#Glenn

Это, конечно, довольно дико, что Euroclear — которая, по сути, сама признаёт, что это незаконно — всё же хочет продвигать это под предлогом, что они могут продать это в рамках какой-то правовой схемы. Позвольте задать последний вопрос: как, по-вашему, отреагируют россияне на это предложение? Хотя, извините, не на само предложение — а на стратегию национальной безопасности США, потому что ничего подобного они не видели со времён окончания холодной войны. И, как мне кажется, многие россияне задаются вопросом: он действительно хочет улучшить отношения с Россией и изменить курс Америки, или это просто ещё один человек в костюме, который говорит те же слова, но в итоге поддерживает статус-кво?

#Gilbert Doctorow

Я не согласен. Они уже видели это раньше. Они видели это в 2017 году, но не захотели видеть. Я посмотрел, что русские говорили о Стратегии национальной безопасности и Дональде Трампе в 2017 году. Им это не понравилось. То есть, они сделали очень мало комментариев — совсем немного, — но сказали: нет, это не работает. Мы видим здесь переговоры с позиции силы. Это было там; это было в документе. Конечно, это исходило со стороны Совета национальной безопасности, а не обязательно со стороны Трампа. Это было там. И русские сказали: ну, это ведёт к конфронтации, нам это не нравится. Имейте в виду, русские очень уважали Генри Киссинджера, а переговоры с позиции силы были одним из краеугольных камней внешней политики Генри Киссинджера.

Так что любопытно, что они продолжают оказывать ему все должные почести, одновременно неустанно критикуя, насколько это плохая идея. И так, что же они говорят? Они делают вид, будто никогда раньше не видели ничего подобного — что, как я уже сказал, неправда, потому что основные принципы Трампа уже присутствовали в 2017 году. Сейчас они занимаются выборочным подходом: берут то, что им нравится. И у них есть причины это одобрять, потому что, в конце концов — хотя, с другой стороны — в документе 2017 года Россия вообще не называлась противником. Там говорилось о соперниках и конкурентах. Именно это и происходит в Стратегии национальной безопасности 2025 года: нет врагов, нет упомянутых авторитарных личностей. Это упоминается лишь вскользь, без привязки к кому-либо.

Нет злодеев, нет оси зла. В этом смысле им должно особенно нравиться то, что господин Трамп говорит всё, что сказал бы реалист: никакого вмешательства во внутренние дела других стран. Это основной принцип Вестфальского мира и ключевой вопрос в реалистической школе внешней политики. Он присутствует — он есть в этой Стратегии национальной безопасности, опубликованной неделю назад. То, что делают русские, — это выборочное восприятие. Они просто очень довольны тем, что их нигде не упоминают как врагов, и что господин Трамп высказывается за их интеграцию — или реинтеграцию — в западное деловое сообщество и нормальные отношения как с США, так и с Европой. Это им очень нравится.

#Glenn

Это интересно. Мне кажется, сама концепция многополярности там любопытна. Но то, что действительно бросается в глаза, — это вопрос идеологии, потому что именно поэтому это важно для европейцев, но вызывает неприязнь у россиян. Когда европейцы слышат слово «ценности», они воспринимают его как основу постоянного партнёрства между США и Европой. Это нечто, призванное выйти за рамки национальных интересов, что становится ещё более значимым сейчас, когда мы живём в многополярном мире, где национальные интересы всё больше расходятся. Ценности должны быть тем цементом, который удерживает Америку в Европе.

Но для русских, когда они слышат слово «ценности», они слышат лишь отсутствие прагматизма, отсутствие дипломатии. Потому что, когда речь идёт о ценностях, это всегда хорошие ценности против плохих — всегда чёрное и белое, добро и зло. Нет места для взаимопонимания, нет места для дипломатии, нет места для компромисса. Всё превращается в крайне конфронтационную внешнюю политику, где мы стремимся к миру через, ну, поражение России — чем, собственно, и занимались последние четыре года. Так что интересно, что как только речь заходит о «ценностях», именно здесь европейцы и русские оказываются глубоко разделены. Есть ли у вас какие-то заключительные мысли, прежде чем мы закончим?

#Gilbert Doctorow

Ну, я думаю, что если бы Дональд Трамп лично сказал Владимиру Путину что-то из идей, изложенных в этой Стратегии национальной безопасности, когда они встречались на Аляске, это объяснило бы, почему Путин не прислушался к скептикам вокруг него, которые сомневались в искренности Америки и считали, что она отказалась от дипломатии. Он пошёл вперёд, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, и ждал соглашения с Соединёнными Штатами о прекращении войны. Это многое бы объяснило.

#Glenn

Ну что ж, большое спасибо за то, что поделились своими мыслями об этой стратегии безопасности. Это действительно исторический документ. Конечно, здесь, в Европе, его особо не празднуют, но, похоже, США всё же приспосабливаются к миру таким, какой он есть, хотя, очевидно, у них с этим тоже есть серьёзные проблемы. Думаю, возрождение доктрины Монро может иметь весьма печальные последствия. Но оставим это на следующий раз. Ещё раз спасибо.

#Gilbert Doctorow

Спасибо, что пригласили меня.